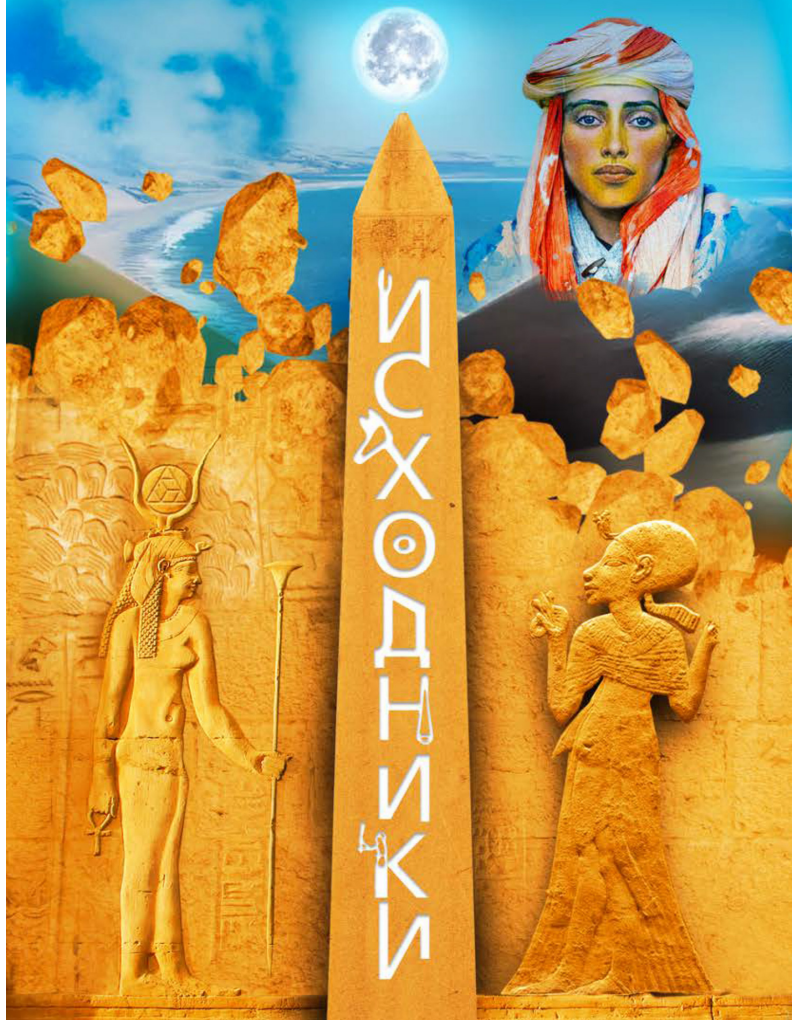

Николай Иванов

Николай Иванов

Исходники

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65316481
Исходники: Страта; Санкт-Петербург; 2020
ISBN 978-5-907314-58-0

Аннотация

«Исходники» – роман-путешествие в земном и ментальном пространстве, исход египетского юноши Мойсере из мира магии древнего Египта к энотеизму кочевников. Запретная любовь становится причиной многих бед, постигших семью юноши, а его самого заставляет навсегда покинуть отчий дом...

Содержание

Корова	5
Женщины	17
Семейство Рахама	20
Мойсе	28
Асти	30
Приворот	35
Свершилось	38
Крокодил	46
Хороший нож	49
Побег	55
На берегу	58
Иуан	61
Голова	71
Пустыня	75
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Николай Иванов

Исходники

© Иванов Н., текст, 2020

© Страта, оформление, 2021

* * *

*Благодарю моего друга и вдохновителя **Георгия
Борского** за помощь и поддержку при создании сей
книги*

Корова

Славный город Миннофар просыпался. Белые стены Дома Пта казались розовыми в лучах восходящего Солнца – сияющего лика Ра. Статуи Великих, обращенные лицами на восток, взирали, как Хапи неспешно катил свои волны к далекому морю. «Хапи ну и» – говорили кеметяне, жители этой страны, что значило: «Хапи – наше все».

Приближался праздник Обновления времен, когда сиятельная Сопидат выводит за руку Ра из вод Хапи. Красивейшее зрелище!

Сарайат, старшая жена Рахама, поднялась, как только первые лучи Солнца проникли сквозь узкие просветы в тростниковых шторах на ее окне, и пошла обходить свои обширные владения. Семья, в которой Сарайат была старшей хозяйкой, состояла из двенадцати сыновей Рахама от трех его жен, семи дочерей, а также детей мужниного брата, погибшего на войне. Ей было за чем присматривать. И первым делом она направилась к своей любимой корове.

Надо здесь заметить, что если бананы, по словам кеметского мудреца, это порой просто бананы, то корова для кеметянки не просто корова – это образ и подобие богини Хатахеру, в молитвах которой женское сердце трепещет от сладкой истомы, настроение поднимается, а ноги просятся в танец.

Сарайат вошла в хлев и остолбенела. Не в том смысле,

что мгновенно превратилась в соляной столб пустыни, хотя и это могло с ней случиться запросто – ведь магия и колдовство творились повсюду. Она просто замерла, выкатив глаза и поднеся ладонь ко рту, открывшемуся, чтобы издать полный боли и отчаяния крик. Но крик был задушен комком, подкатившим к горлу, и слезами зажгло прекрасные карие глаза Сарайат, очерченные углем. Ее любимая корова – коричневой масти, с белым пятном на лбу – лежала на боку, вытянув голову к самым ногам Сарайат. Глаза коровы были открыты и неестественно смещены, словно она пыталась разглядеть муху у своих ноздрей, под которыми высыхала небольшая лужица крови.

Несколько секунд Сарайат стояла неподвижно; мысли путались. И вдруг одна мысль пронзила ее своей очевидной и неоспоримой простотой: колдовство! Соседка, старая карга, сделала это! Сарайат припомнила, как накануне она шла с коровой по улице, а соседка, попавшаяся им навстречу, похлопала корову по холке, проскрипев что-то вроде: «Добрая у тебя корова, Сарайат».

«Ах, ведьма! Ну я тебе отомщу! – подумала Сарайат. – Уж я тебе насыплю под дверь песка из Города Мертвых! Будешь знать!»

Вскоре представился ей случай побывать в Городе Мертвых. Через пару дней после смерти любимой коровы Сарайат позвали на похороны дяди, брата ее матери, Тиметэ. Он был зажиточным торговцем, имел большой дом с садом и

бассейном. В детстве Сарайат с сестрой и матерью частенько бывали у него в гостях, купались в бассейне, ели фрукты и сладости.

Своих детей у дяди не было: его единственная жена была бесплодна. Однако по не известной никому причине он не брал себе ни другой жены, ни наложницы. Сказывали, что всему виной было колдовство, с помощью которого его женили на Пауни – так звали его избранницу. Она была из богатой семьи; не красавица, но статная. Приданого за ней дали столько, что кое-кто из родни поговаривал, будто Тиметэ женился на приданом. И в самом деле: у друга на свадьбе его будто зельем опоили – и очнулся он утром в объятиях Пауни. По кеметским понятиям, соблазнил девицу – женись. Так и пришлось.

Тиметэ поначалу рад был богатству: купил лодку, нанял рыбаков, земли прикупил, развел скот, торговать начал, построил дом, разбил сад. А детей все не было. Он опечалился. Хотел было взять наложницу. Да куда там! Пауни оказалась ревнива до безумия. Запугала его проклятиями страшными, сказала, что лишит его жизни вечной в полях Иару. Ведь всем известно, что жизнь на той стороне зависит от того, как тебя к ней подготовят, снабдят ли всем необходимым. Сам ведь ты свое тело не очистишь, пеленами не повеешь. Кто подушку, набитую травами, в гроб тебе положит? Свитки, скарб, все самое необходимое для путешествия по подземному Хапи – кто соберет? Жена, дети. А если нет детей?

Вот. То-то и оно.

Путь к загробной жизни кеметянину предстоял неблизкий. Смерть, как говорили в народе, это только начало. И это начало у Тиметэ было легким – он умер во сне.

Утром Пауни позвала своего Ти к завтраку, но тот все не шел и не шел. Войдя в спальню, Пауни сразу все поняла: спящего человека не спутаешь с мертвым. Краем глаза Пауни увидела Ба покойного мужа в углу комнаты под потолком. Направив взгляд в угол, она, конечно же, ничего, кроме сходящихся балок, там не рассмотрела. Однако, взглянув на осунувшееся и как бы восковое лицо Тиметэ, боковым зрением снова заметила – сидит. Там. В углу. За стеной что-то зашуршало. «Пауни...» – словно бы позвал кто-то из кухни. Голос был тихий, едва различимый – это Ка Тиметэ пошел бродить по дому. Пауни всплеснула руками и бросилась вон, на улицу.

Первым делом она побежала к соседке, а там уж и разрыдалась в полную силу. Вместе с подругой они надели траурные одежды, осыпали волосы свои золой, смешанной с дорожной пылью. Отирая слезы и размазывая грязь по лицу, с криками и причитаниями, как это принято у кеметянок, они устремились по городу.

Пройдя несколько кварталов, пришли в контору к бальзамировщикам. Там, в конторе, крепкий молодой парень, чьи татуировки свидетельствовали о его пребывании на принудительных работах в карьерах, вежливо поинтересовался: по

какому разряду следует обработать покойного? И сразу же принялся расписывать в подробностях весь набор их услуг с ценами по каждому пункту.

По первому разряду: извлечение части мозга крюком и растворение оставшегося синелью – стоит столько-то; очистка брюшной полости и промывка пальмовым вином – столько-то; наполнение чрева смирной, кассией, прочими благовониями – столько-то. Кассию можно заменить канупером, так выйдет дешевле. Семьдесят дней натровой сушки – столько-то. По истечении семидесяти дней – бинтование. Ткани можно выбрать разные: подешевле, подороже; бинты накладывать так и эдак, чтобы конечности гнулись непременно – или же это не обязательно? Смолу для бинтов, опять же, можно выбрать разную.

Пауни сначала слушала внимательно, потом потеряла нить и, едва сдерживая раздражение, спросила молодца:

– Сколько в итоге?

Тот зашелестел свитками, принялся что-то писать на восковой дощечке и наконец выдал цифру.

– Так... понятно! – услышав ее, сказала Пауни. – Какие еще варианты? Мой муж был торговцем, а не чиновником в Большом Доме.

– Понимаю, – поспешил ответить приемщик и продолжил: – Я охотно расскажу вам про второй способ. Внутренности можно не извлекать, а растворить в кедровом масле. Масло мы заливаем внутрь, простите за подробности, через

задний проход...

– Хватит, – прервала его Пауни. – Сколько?

Татуированный назвал сумму. Пауни взглянула на подружку; та склонилась к ее уху и что-то зашептала.

– Есть третий вариант, – снова заговорил приемщик, и голос его, казалось, был обесцвечен тысячекратным повторением изо дня в день одних и тех же фраз. – Для растворения внутренностей мы используем сок редьки. Берем...

– Нас устроит второй вариант, – ответила Пауни. – Пришлите людей в дом Тиметэ, что на улице, идущей от восточного базара к реке.

На следующий день Пауни отправилась к деревянным дел мастеру – выбирать гроб. Здесь ей тоже пришлось выслушать рассказы о породах дерева, технике резьбы, количестве и содержании текстов, инкрустации и использовании стойких красок.

Хозяином мастерской оказался крепкий старик. Кожа на его руках походила на кору дерева. Он напомнил Пауни, что не ради красоты наносятся слова и рисунки внутри и снаружи гроба. Это карта – вроде той, что используют купцы или военачальники. На ней отмечены все опасности и ловушки долины сени смертной, населенной потусторонними зверями, готовыми растерзать путника. Против каждого из них магами-разведчиками выработаны заклинания. Кодекс их постоянно пополняется. Экономить на этом нельзя, иначе Ба покойного может угодить в чрево какого-нибудь тамош-

него Бегемота – а это смерть вторая, хуже которой и быть ничего не может.

Пауни выслушала мудрого человека и заказала гроб со всеми известными к тому моменту заклинаниями для новопреставленного путешественника в Та Аут – подземную страну. Здесь же у писцов ею был заказан свиток оправданий для суда Усира на сорок две главы с приложениями, рисунками и пояснениями.

За три дня до похорон гроб был полностью готов, и Пауни выставила его у дверей дома. Кроме обычных ушебти – потусторонних помощников Тиметэ, она решила отправить с ним еще и фигурки деревянных воинов, которые муж собирал всю жизнь. Без помощников кеметянину в загробном мире придется работать самому с утра до ночи. А кто же захочет, отработав всю жизнь, трудиться потом еще и целую вечность? Таких нет.

«Воины и защитити смогут, и работают хорошо, – разумно решила Пауни, – опять же – экономия, два в одном».

Посетила она и камнерезов. Конечно, Тиметэ заранее приобрел место для себя и супруги в Городе Мертвых на Западе Солнца. Место неплохое, надо сказать. Но гробницу он едва наметил – все у него были дела да случаи: то проект ему вдруг разонравится, то деньги закончатся.

Пауни же подошла к делу серьезно. Время поджимало. Наняла она двух мастеров, и они ей за шестьдесят дней высекли в песчанике двухуровневую просторную гробницу с

шахтой, потайными ходами и тройной защитой от проникновения грабителей. Нашла она и художников не задорого. Стены оформили в лучшем виде: детство Тиметэ, все события их совместной жизни, его успешные предприятия, па-ломничество и поклонение богам – все было запечатлено в красочных рельефах. Заказала Пауни и модных тогда «Плакальщиц» – трогательную до мурашек картину, на которую, как говорится, без слез не взглянешь.

И вот наступил день переселения Тиметэ в его новый дом на Западе Солнца. Пауни разослала родственникам приглашения. Набралось человек десять-двенадцать, не более. Первыми пришли Сарайат со своей сестрой Сатайат. Всплакнули, конечно, обнялись с Пауни. Когда все собрались, мужчины поставили гроб на повозку и поехали забирать тело у бальзамировщиков. Пауни дала окончательный расчет мастерам бальзамирования – и ей вынесли тело мужа. Тиметэ за семьдесят дней стал легким как птичка. Теперь вся надежда родственников была на то, чтобы его сердце на весах богини Муэт не перевесило бы ее пера.

Тиметэ положили в гроб. Прочли заклинание «Мутт го иоб», и вся процессия двинулась за город. Шли часа два. На подходе к Городу Мертвых встретили попутчика для Тиметэ – процессия человек на сорок сопровождала хлебопека Амрэ.

– Лучшие люди уходят, – запричитала Сарайат, – что твой Тиметэ, что Амрэ. Я так боюсь потерять Рахама!

– Перестань, Сарайат, – сказала ей в ответ Пауни. – Рахам совсем еще не стар. Поди, согревает тебя в холодные ночи?

– Согревает, – кивнула Сарайат, – и Сатайат на него не в обиде. Только вот знаки...

– Какие знаки? – спросила Пауни. – Ты о чем?

– Знаки беды, – пояснила Сарайат. – Третьего дня у меня без причины умерла любимая корова. А вчера в амбаре мне под ноги бросилась мышь, и я со страху дала ей пинка. Такая мерзость! У меня до сих пор мурашки по коже, как вспомню.

– Это и впрямь нехорошо, – сказала Пауни, взглянув на Сарайат. – Сходи-ка ты в Дом Пта, помолись там как следует, да не скупись на жертвы.

– Я, конечно, сказала, что корова моя умерла без причины, – продолжала между тем Сарайат, – но думаю, это соседка мне сделала. Как думаешь, Пауни: не насыпать ли мне песка из Города Мертвых ей под дверь?

– Что ты! – ответила Пауни. – А ну как это не она сделала? Тебе все вернется. Лучше иди к Пта.

Сарайат задумалась. Какое-то время они шли молча. Лишь скрип колес повозки да шорох шагов нарушали мертвую тишину одноименного города.

Наконец процессия вышла к началу довольно крутого и узкого спуска в долину. В скалах слева и справа по бокам от тропы открылись взору черные проемы гробниц – помещений, вход в которые лишь символически намечался. Каменные двери внутри этих комнат никогда не открывались.

Настоящий вход располагался этажом ниже и был засыпан песком.

Гробницы ближе ко входу в ущелье были самыми дорогими: с колоннами, обильно украшенные резьбой. Чем ниже в долину, тем скромнее становились усыпальницы, хотя и среди них вдруг попадались довольно качественно отделанные. Такой оказалась и гробница дядюшки Ти.

– О! Пауни, какую великолепную гробницу ты устроила мужу! – сказала Сарайат, а Сатайат закивала головой.

Пауни лишь всхлипнула и принялась отирать краем платанабегавшие слезы.

– Здесь и мне лежать, – промолвила она, выдохнув. Сарайат и Сатайат обняли ее в ответ.

В этот момент подъехал жрец на колеснице, сверкавшей на солнце яркими красками, лаком и золотом. Он привез благовония, кадилницу, ящичек с инструментами для обряда отверзания уст и очей. Гроб Тиметэ поставили возле гробницы на «ноги»: форма гроба повторяла контуры тела покойного, и его деревянные ступни могли твердо стоять на любой ровной поверхности.

Началась самая важная часть погребения. В былые времена, когда ритуал отверзания уст еще не был открыт, священники, общаясь с покойными, узнали, что люди там «не все говорят и не многие ходят». Постепенно были найдены нужные заклинания и изготовлены инструменты. Это намного облегчило посмертную участь кеметян. Слава Птаху! Слава

Тоту! Атуму – слава! Жрец воскурил благовония и запел:

*Птах по великой милости своей отверз мои уста.
Инпу очистил меня, от всего нечистого избавил меня.
Нет за мной никаких злодеяний.
Да явлюсь я трезвым на суд Усира.
Был зачат я в любви и восторге принят матерью на лоно
ее.
Муэт явила мне истину, и я возлюбил ее.
Хика омыл меня иссопом, и стал я блее снега.
Ахейа отверз уши мои и слуху дал радость и веселие.
Нет во мне прегрешений, и беззакония я не творил.
Сердце мое легче пера Муэт.
Да не отвертится от меня лицо Усира.
И буду жить вечно в местах благих, где нет места
нечестивым.
Тот научил меня заклинаниям и освободил меня
от Сета, связавшего мои уста.
Возрадовался язык мой правде Муэт.
Птах отверз уста мои резцом металлическим,
и уста мои хвалят его.
Атум разрешил узы на руках моих, они защитники
мои, развязал путы на ногах, да не преткнутся
о камень ноги мои.
Да сияет вечно солнце Ра, да стоят крепко белые
стены Миннофара, и да приносятся в жертву тельцы.*

Когда голос жреца стих, некто из присутствующих возгла-
сил: «Мэр сим та ку хмим!»

После этого все по очереди стали прощаться с усопшим. Подходили, кланялись, желали легкого пути и доброго ответа на страшном, но справедливом судилище Усира. Пауни разрыдалась в голос, ее принялись утешать. Наконец стихли разговоры и причитания. Работники, нанятые Пауни, опустили гроб в проем и повлекли его вглубь гробницы, освещая себе путь масляными лампами.

К полудню все было кончено, лазы засыпали камнями и песком. Родственники и знакомые, тихонько переговариваясь, потянулись вверх по ущелью. В доме Пауни их ждала поминальная трапеза.

Сарайат какое-то время колебалась, не набрать ли ей песка, и решилась-таки. «Пригодится. Не в этот раз, так в другой», — подумала она.

Женщины

Колдовство – дело преимущественно женское. Именно через женщин оно распространилось по миру. Так, по крайней мере, записано в свитке жреца Мерикара «Цеп скоробей». Вторит ему и свиток жреца Анокха: в нем рассказывается, как в стародавние времена, называемые «Оно», сошли на землю небесные воины – и так пленились красотой кеметских женщин, что стали брать их себе в жены.

Жители небесной страны научили жен подводить углем глаза, отчего женский взгляд становился неотразимым. Научили их готовить зелья из трав, творить заклинания, делать фигурки подобия, видеть в темноте и за спиной, толковать сны – и еще очень многому, но особенно искусству соблазна и очарования, пробуждения мужской силы и создания преград ее напору. Большая часть этих «тайных знаний» была совершеннейшей чепухой, но женщины есть женщины – верят всему, что говорят им красивые и статные мужчины.

Другое дело – истинная магия. Здесь тоже присутствуют таинство, слово и образ, однако сил магия требует не в пример больше, чем колдовство. Для магии нужны храм и множество людей, в уединении она не творится. Однако гору простая хозяйка хоть и не сдвинет, но лишить молока соседскую корову сможет. Да и погубить ее при большом и искреннем чувстве тоже, пожалуй, сумеет.

В свое время Сарайат натерпелась от свекрови. Та была знатная колдунья, настоящая ведьма. Сколько слез пролила Сарайат, сколько болезней не своих претерпела, сколько в ответ шептала проклятий!

Здесь, возможно, стоит оговориться, что значит «не своих болезней». Каждая кеметянка знала, что есть свои болезни, которые по судьбе ее мучают, а есть наведенные – «сделанные». Различить их несложно. Если каждый месяц у тебя привычно тянет спину, а от жирной рыбы колет под ребрами, а потом вдруг ни с того ни с сего начинает ломить колени – это, к бабке не ходи, порча.

Но вот отделилась семья. Теперь Сарайат – главная на большом хозяйстве. Жить бы да радоваться. Да куда там! Старший сын привел в дом невестку. Тихая, молчаливая. Слова поперек не скажет. Но делает все не так: ни стряпать толком не умеет, ни мужу угодить. Сарайат ее учит-учит, а та скажет: «Да, мама», – а сделает все по-своему. А тут еще и затылок ломить стало после наставлений непутевой. Беда. Все повторяется в этом мире, и, как говорил Силумин, жрец Дома Ра: «Солнце восходит и заходит, и спешит к месту, где оно восходит».

Вторую жену Рахама звали Сатайат, и была она младшей сестрой Сарайат. Если Сарайат – высокая и стройная, то Сатайат – небольшого роста, чуть поноватая, но в меру. Волосы же у обеих женщин были черные, прямые, длины в пояс. Сестры никогда не ссорились, что было довольно удиви-

тельно, потому что в детстве, как сама Сатайат рассказывала Рахаму, ей частенько доставалось от старшей. Но тут надо отдать должное их мужу – умел он так дело поставить, чтобы все были довольны.

Долгие годы провел Рахам в семье своего тестя, пока ему, наконец, не удалось всеми правдами и неправдами отделиться и зажить самостоятельной жизнью. Вместе с сыновьями он построил просторный дом и взял себе третью жену – Саламит, четырнадцатилетнюю красавицу с фигуркой как у статуэтки от искусного мастера. Она вся источала магический аромат молодости.

Ножки ее были стройны, не полны, но и не худы; руки от запястья до локтя покрывал легкий пушок. Волосы ее, длиною ниже пояса, были темными и на солнце искрились едва заметной рыжиной. Глаза... Ох уж эти глаза! В них невозможно было взглянуть, не затрепетав от волнения, в эти черные глаза сказочной птицы. Бродячий певец, увидев их, написал песню, которую и теперь, по прошествии многих лет, можно услышать на городском базаре.

Брови Саламит были просто идеальны – умеренной ширины, не узкие, но и не широкие, они не нуждались в исправлении и подкрашивании. Носик удлинённый, с низкой переносицей; губки пухлые – словом, в глазах Рахама она была совершенством.

Семейство Рахама

Рахам родился и вырос в славном городе Миннофар. Отец его был коренным кеметянином. Семейное предание гласило, что когда-то давно народ предков Рахама пришел на берега Хапи, гонимый наступающими песками пустыни. Им пришлось нелегко: «люди из Заречья», с правого берега Хапи, не давали жить спокойно – нападали, грабили и жгли, требовали дани. Но предки Рахама сумели отстоять эту землю, ставшую их родиной ценой пролитой крови.

Когда Рахам был молод и неженат, он любил посещать празднества и участвовать в играх молодежи, где пиво лилось рекой. Девушки были милы и приветливы, парни – веселы и озорны; плясали парами и в кругу. А там, где веселье и много хорошеньких девушек, нередко случаются драки. И вот на одном из таких праздников случилась потасовка, которую Рахам запомнил на всю жизнь. Повода к ней никто уже и не вспомнил бы: то ли кто-то кому-то на ногу наступил, то ли не ту девушку пригласили на танец, но завязалась кровавая битва.

Кто-то крикнул: «Камни выкидываем! Никаких ножей!» Однако Рахаму и не нужен был нож. Ударом в челюсть он свалил одного из своих соперников, да так, что осколок зуба несчастного застрял между костяшек пальцев Рахама, серьезно повредив сустав.

И тут ему самому, что называется, прилетело так, что искры посыпались – нет, не из глаз. Когда голый кулак входит в скулу, можно наблюдать искрение. Так бывает. Это какое-то необъяснимое явление – прорыв защиты, ограждающей живую плоть. В общем, посыпались искры, и сознание покинуло Рахама.

Очнулся он лишь с закатом. С трудом встав и держась за голову, которая гудела, побрел в сторону дома. И тут вдруг кто-то окликнул его: «Рахам!» – «Хам-хам-хам», – отдалось в больной голове.

Вокруг никого не было. Голос раздавался словно бы с небес. Рахам потряс головой и прижал к животу досаждавшую болью правую руку. Он сделал еще шаг в сторону дома, но тут же услышал:

– Повороти свои ступни и следуй, куда я скажу!

Это так потрясло Рахама, что он развернулся и двинулся прочь от дома. Тем временем голос продолжал:

– Сними обувь свою и брось у дороги.

Рахам подчинился.

– Сними амулет, что на шее у тебя, и брось в кусты! – приказал голос.

И это исполнил Рахам и пошел дальше по дороге. Как долго он шел, потом не мог вспомнить. А только остановился он у незнакомого ему небольшого храма. Храм этот не имел входа. Точнее, двери его были вырезаны в камне и не могли открываться. Весь он был покрыт надписями и изображениями.

ями.

Рахам вздрогнул, когда чужой голос снова пронзил его слух:

– Сей храм не для тебя, но ты достигнешь своего. Иди!

Рахам повернулся и пошел в ночь. Лишь с рассветом он добрался до дома, упал на постель и проспал до вечера...

Вскоре случилась война. Люди с того берега Хапи разорили хозяйства в предместьях славного города Миннофар. Рахам был призван в ополчение и жил в воинском стане, в палатке. Ночами, как это заведено испокон веков, молодые воины совершали отлучки, кто в разведку к вражескому стану, а кто и в тыл, к девушкам. Рахам, бывало, ходил в разведку, но чаще оказывался костровым – собирал ветки и дрова, разжигал и поддерживал огонь костра в течение ночи. Костер для войска – как отец родной, он и накормит, и обогреет, и братскую чашу пить приятно в его компании. Как поется в одной солдатской песне:

*Нам палаткой небо, звезды над головой,
Нам бы корку хлеба, да запить бы водой,
Командир поднялся: «Становись давай!»
Левой, левой, левой, ях-ха-хай-хай.*

Никто уже и не помнил, что это за «ях-ха-хай» такое. Скорее всего, это заклинание древних воинов, язык которых давно исчез, растворился в языках вновь народившихся племен... Кеметские воины, бросаясь на врага, призывали в по-

мощь бога Ра: «Ху-Ра!» – кричали они, и не слышало небо более грозного воинского клича.

*На привале живо мы разгоним мрак,
У тебя огниво, у меня танак.
У костра присядем – эй, брат, не унывай!
Я с тобою рядом. Ях-ха-хай-хай.*

Однажды ночью, когда Рахаму не нужно было исполнять никакие воинские обязанности, он лежал в своей палатке, и ему не спалось. Проворочавшись с боку на бок некоторое время, он так и не смог уснуть. Поднялся, тихонько выбрался из палатки и, крадучись, покинул стан. Вначале он вышел к реке и пошел вдоль берега. Месяц смотрел вверх своими рожками. Новая Луна – новая жизнь. Что-то новое должно было произойти в его жизни, – думалось Рахаму в эти минуты.

Почти дойдя до города, Рахам услышал плеск воды у берега. Припав к земле, как это делают почуявшие опасность воины, он стал наблюдать. Вначале он подумал, что это вражеский разведчик, и сердце его заколотилось. Однако через мгновение, когда торс пловца показался из воды, сердце Рахама еще и екнуло. Это была девушка.

Тут Рахаму пришла в голову шальная мысль. Он бесшумно, как хороший охотник, подкрался к тому месту, где девушка оставила свою одежду, и стащил ее, спрятав под рубахой. При этом он ощутил аромат, исходивший от платья

девушки, и голова его закружилась. Девушка тем временем в недоумении бродила по берегу, должно быть, думая, что позабыла, где разделась. Рахам наслаждался каждой минутой.

– Что потеряла, девица? – спросил он, выйдя из укрытия.

Девушка вскрикнула и бросилась бежать. Рахам быстро догнал ее – воины бегают, как псы. Она принялась было кричать, но он зажал ей рот рукой и зашептал:

– Прости мою глупую шалость! Я Рахам, воин. Гулял здесь по берегу – и увидел тебя. Никого прекраснее я не видел в жизни. Вот твоя одежда. Возьми ее.

И Рахам вынул платье из-за пазухи и положил его к ногам девушки, которая стояла, прикрывшись руками и изгибами своего тела напоминая изящную статуэтку.

– Прости меня и позволь проводить тебя до дома, – сказал он.

– Хорошо. Пойдем. Я живу у пристани.

Всю дорогу они молчали, каждый по-своему переживая произошедшее.

У дома девушки Рахам спросил:

– Как зовут тебя?

– Сарайат.

– Можно я буду приходить к тебе, Сарайат?

– Приходи.

На том и расстались.

С тех пор Рахам стал при первой возможности навещать к Сарайат. У нее была младшая сестра Сатайат, кото-

рая понравилась Рахаму даже больше, чем старшая сестра. Сарайат была одного с Рахамом возраста, а Сатайат – на пару лет моложе. Когда закончилась война, Рахам решил жениться на Сарайат. Отец Сарайат, Ливан, в качестве выкупа за дочь предложил Рахаму возделывать его обширное поле в течение семи месяцев.

Семь месяцев Рахам тяжело трудился на земле Ливана, и наступил день свадьбы. После застолья, хмельной и счастливый, он вошел в спальню и лег с Сарайат. Когда они погасили свечи, в спальню вошла Сатайат и села на край ложа. Она сказала:

– Я вижу, Рахам, как ты смотришь на меня. Да и ты мне по нраву. Будь же мужем и мне.

На следующий день Рахам попросил у Ливана и вторую дочь себе в жены. Ливан не отказал ему, сказав:

– Возделывай поле мое еще семь месяцев – отдам тебе в жены и Сатайат.

По понятным причинам детей у Рахама было много. Однако первых двух мальчиков унесла болезнь, когда одному было три, а другому – четыре года от роду. Умирили также и девочки. Двенадцати сыновьям удалось выжить. Имена их: Упат, Тиче, Минче, Хатэра, Тиби, Шеф, Рековер, Реконджес, Ринутет, Хонсу, Хенти, Мойсере. Последний, самый младший, Мойсере, или, как звали его близкие, Мойсе, был рожден любимой женой Рахама, Саламит. Рахам был уже в летах и не надеялся более увидеть новых своих сыновей. Оттого,

наверное, Мойсе был обласкан отцом более других детей. Он не знал отказа ни в чем.

Кроме детей, в доме Рахама было множество кошек. А получилось это вот как. Однажды утром Сарайат вышла из дома — и чуть не наступила на котенка, черного как смоль, с белой манишкой. Он сидел, сжавшись в комочек, и дрожал. Сарайат умилилась его незащитности, взяла в дом, напоила молоком и долго носила на руках, словно младенца. Она назвала котенка Сибас. Вскоре он стал любимцем Сарайат, она играла с ним, кормила рыбкой. Когда Сибас вырос в настоящего кошачьего повесу, Сарайат принесла ему кошечку. Она устроила животным целую свадьбу с наряжением невесты и угощениями. Все в доме забавлялись выдумкой Сарайат.

Вскоре семейство новобрачных пополнилось четырьмя очаровательными котятами. Каждый день они играли, бегали и прыгали по всему дому и двору, путаясь под ногами. Одного Рахам нечаянно придавил дверью. До смерти. Как рыдала тогда Сарайат! Она обиделась на мужа и не разговаривала с ним три дня. Тогда ему пришла в голову мысль принести в дом с базара еще одного котенка. Котенок был редкой породы, и Сарайат утешилась и простила Рахама.

Прошло какое-то время, и одна из дочерей Сарайат тоже принесла котенка с улицы. Он, видите ли, увязался за ней, а ей стало жалко. Через год поголовье кошек в доме Рахама насчитывало уже тринадцать штук! Он сердился и выходил из себя, когда наступал спросонья на пушистую тварь. Гро-

зился даже утопить их в ведре, но Сарайат неизменно вступалась за питомцев, говоря, что обижать священных животных нельзя, иначе богиня Бастет разгневается.

– Вспомни, Рахам, как ты мучился болями в спине, когда раздавил котенка, – говорила мужу Сарайат.

Мойсе

В то время как братья трудились в поле, Мойсе посещал школу писцов в Доме Муэт. Туда определил его отец, который и оплачивал обучение немалыми приношениями.

Учеба не задалась у Мойсе. Ему было сложно усидеть, часами выводя священные каракули. Частенько он получал нагоняи от учителя. «Уши юноши – на его спине», – говорили кеметские учителя, с оттяжкой прикладывая к этой спине тростину.

Однажды утром, когда братья отправились в поле, Мойсе вместо школы пошел бродить по городу, чтобы, как говорится, и город посмотреть, и себя показать. А показать ему было что. Мойсе вырос статным юношей. Под яркой цветной одеждой угадывалось атлетическое сложение тела, несмотря на то что тяжелым трудом, как его братья, он никогда не занимался. Как его мускулы приобрели такую массу и рельеф, одним богам было известно. Видимо, его мать, вынашивая Мойсе, частенько бывала в Доме Ра и любовалась на колоссальные каменные фигуры Великих.

У Дома Пта царило оживление. Ожидалась церемония освящения урожая. Множество народа собралось во дворе храма. Каждый принес плоды своей земли – да благословит Пта урожай этого года! Толпу составляли старики и женщины, некоторые с малыми детьми. Мужчин было мало.

Мойсе принялся разглядывать женщин, среди которых попадались и довольно юные особы. В этот момент он ощутил легкий порыв ветра, донесший до него тонкий аромат дорогих благовоний. Мойсе обернулся – и обомлел. Это была Она. Спроси его кто-нибудь, что значит это «Она», он не смог бы ответить вразумительно, но сердце его забилося, забилося и упало в пропасть, как это бывает, когда засыпаешь – и вдруг проваливаешься в глубокий колодец.

Через мгновение он очнулся и пошел ей навстречу – но вовремя спохватился, увидев ее свиту, состоящую из нескольких девушек и двух мускулистых рабов. Когда они проследовали мимо, ему оставалось только жадно вглядываться в складки ее одеяний, пытаюсь уловить очертания смуглого молодого тела и обонять волшебный аромат благовоний, исходящий от ее одежд. Какой-то старичок ткнул Мойсе в бок и бесцеремонно произнес:

– Не про тебя пташка, сынок. Это Меританейт – жена Патипара, начальника стражи Большого Дома. Заглядываться на нее опасно.

Сказал – и исчез, растворился в толпе.

И тут трубы возгласили выход главного жреца с ковчегом благословения. Мойсе, смущенный, в смятении вышел из храма и пошел к реке, размышляя только о том, как бы снова увидеть Меританейт.

Асти

Вечером ноги сами понесли его к дому Патипара. Дом этот – вилла с бассейном и садом – находился в богатом квартале города. В тени плодовых деревьев прогуливались павлины. Бассейн был прямоугольным, со ступенями у каждой из четырех сторон. Мойсе представлял, как с восходом солнца босые ножки Меританейт легко касаются гладких и прохладных ступеней, и эта мысль вызывала на его лице жар, словно он склонялся к огню.

Забраться в сад было бы верхом неосмотрительности, поскольку там его могли встретить собаки. Поэтому Мойсе лишь влез на каменную ограду, как делал это в детстве. Мальчики во все времена любили лазить по заборам и деревьям – и вовсе не для того, чтобы сорвать абрикосов, а просто так, чтобы почувствовать высоту забора и силу своих рук.

Теперь Мойсе испытывал смешанные чувства. Он не был ребенком, но вел себя как мальчишка. Сидя на заборе, он следил за окнами дома в надежде, что Меританейт появится возле одного из них. Ему было жарко от того, что Она так близко, рядом, в паре десятков шагов. Он не хотел уходить. Лишь когда начало быстро темнеть, он спрыгнул в наступавшую прохладу вечера и побрел домой.

И на следующий день Мойсе ходил к дому Патипара, и

на следующий... Луна успела созреть, как плод, и уже почти увяла, когда он, возвращаясь домой, случайно оказался в квартале, где жили служительницы Дома Асет. Окно одного из домов тускло светилось красным благодаря шторам необычного – и дорогого, надо заметить, – оттенка. У порога дома сидела его хозяйка, молодая кеметянка в полупрозрачном наряде. Наряд этот женщины Дома Асет искусно складывали из прямоугольного куска ткани, оборачивая им изгибы своего тела несколько раз и связывая уголки в разных местах. Комбинируя складки и узлы, они могли создавать весьма замысловатые одеяния.

Женщина окликнула Мойсе и предложила войти к ней. Он задумался на минуту, но отчаянная любовь к недоступной Меританейт толкнула Мойсе в объятия жрицы Дома Асет, и он перешагнул порог дома с красным окном.

– Как тебя зовут? – спросила хозяйка дома.

– Мойсере... Близкие называют меня Мойсе.

– Мо-о-ойсе, – протянула женщина. – Проходи, Мо-о-ойсе, чувствуй себя как дома.

Она улыбнулась ему. Но улыбка эта не понравилась Мойсе. Он напрягся:

– А как тебя зовут?

– Меня зовут Асти, – ответила женщина и продолжила: – По всему видно, привела тебя сюда безответная любовь. Рассказывай!

Мойсе вовсе не хотел ничего рассказывать, но вместо это-

го вдруг горячо заговорил, глядя в пол:

– Понимаешь... Со мной случилось... Я не знаю, как сказать. Когда я думаю о ней, мое тело наполняется теплотой, становится слабым, я ложусь на бок и лежу, поджав колени. И мне так хорошо! Но это чувство скоро сменяется горячим желанием снова увидеть ее! Это чувство жжет меня изнутри. Я прихожу к ее дому и подолгу стою, глядя в окна в надежде увидеть ее. Проходят часы, прежде чем она окажется у окна. Но когда это происходит, нет на свете человека счастливее меня. Вся кровь моя вскипает и бросается к лицу, и тогда я готов прыгать и переворачиваться в воздухе, как это делают акробаты на рынке. Однажды я попробовал так прыгнуть, но упал и разбил голову.

Асти засмеялась и обхватила голову Мойсе. В следующее мгновение она припала к его губам, намеревавшимся продолжить повествование. Все случилось быстро и не так, как представлял себе Мойсе.

Потом они лежали на тростниковой циновке. Асти положила голову на его грудь.

– Что мне делать? – спросил Мойсе. – Как оказаться с ней наедине? Как добиться ее расположения?

– Очень просто! – сказала Асти. – Я дам тебе приворот. Мне понадобятся твои семя и кровь. Одна составляющая у нас уже есть, – лукаво усмехнулась она. – Я приготовлю напиток, который ты дашь ей выпить. Замани ее ко мне – как это сделать, придумай сам. Ведь это твое решение.

И она снова скривила рот в той самой улыбке, от которой Мойсе стало не по себе в самом начале разговора.

– Это еще не все, – продолжила она. – Я научу тебя, как заявить возлюбленной о себе. Ты должен прийти к ней во сне.

Эти слова Асти очень удивили Мойсе.

– Я не хожу во сне, – пробормотал он в недоумении.

– Ты ведь знаешь дорогу к ее дому? – продолжала Асти. – Когда ты уснешь, постарайся во сне пройти этот путь. Заберись в ее окно и, склонившись к ней, прошепчи свое имя. Сделать это нужно до наступления полнолуния. А чтобы ноги твои могли ходить по дорогам сна, я дам тебе трав и расскажу, как их приготовить. Ты умеешь читать священные письмена?

– Да, я обучен чтению и письму, – ответил Мойсе. – Как мне отблагодарить тебя?

– Не стоит меня благодарить. Я служу богине. Пожертвуй ей золото... Одежда твоя выдает любимого сына богатого отца.

Мойсе достал из кожаного кошелька кадет золота и положил его на низенький столик, стоявший у стены, где в нише разместилась статуэтка богини. Асти вышла в другую комнату и долго шуршала там не то сухими травами, не то листами папируса. В какой-то момент Мойсе услышал из-за стены звук, похожий на утробный выдох крупного животного, и очень испугался.

Через минуту Асти вернулась в комнату и протянула Мойсе сверток. Он взял его и тут же вскрикнул: шипы какого-то растения, завернутого в ткань, прокололи его палец. Асти с довольным видом взяла его руку, надавила на раненый палец, прильнула к нему губами, а затем сплюнула кровь из раны в миску, стоявшую на том же столике, где лежали ку-сочки золота.

– Ну вот, – улыбнулась она. – Вторая часть приворота готова. Теперь иди.

Мойсе, совершенно опустошенный, вышел в прохладу ночи и зашагал к своему дому.

Приворот

Вечером следующего дня Мойсе пошел на реку в уединенное место. Там он развел костер и развернул сверток, который дала ему Асти. Внутри свертка лежали свиток папируса, листья и кора растений, а также ветки с шипами, о которые Мойсе поранил руку.

Мойсе развернул свиток; блики пламени играли на его гладком лице с едва наметившейся бородкой. Пляшущий свет костра упал на ровные строчки иероглифов, которые неожиданно ожили и побежали по рукам Мойсе. Он бросил папирус на землю и стал отряхивать руки. Муравьи! Как они там оказались, непонятно. Мойсе поднял отброшенный свиток, снова развернул его, подул на всякий случай и принялся читать.

Это был рецепт приготовления напитка. Начинался он словами: «Когда Луна достигнет полной зрелости, возьми кору дерева... положи ее в кипящую воду и вари... затем положи листья дерева... и вари». Мойсе принялся последовательно выполнять написанное и провозился довольно долго – Луна, почти полная, уже высоко поднялась над горизонтом.

Наконец напиток был готов. Мойсе зачерпнул немного из котелка маленькой мисочкой и подул на парящую жидкость. Когда напиток немного остыл, Мойсе пригубил его – и тут

же выплюнул, таким тот оказался горьким.

Но любопытство и желание довести начатое до конца заставили Мойсе, преодолевая судороги в скулах, выпить всю миску. Под конец напиток ему даже понравился, Мойсе зачерпнул еще, подул и выпил еще одну мисочку. Он начал было подумывать о третьей, но вовремя вспомнил, что в свитке говорилось ни в коем случае не пить более трех полных глотков, – и решил ограничиться пока что двумя.

Мысли Мойсе сами собой понеслись к Меританейт. Он представлял, как его возлюбленная оmyвает свое тело перед тем, как лечь в постель, как она ложится и задумчиво смотрит в потолок, как кошка прыгает к ней на постель и ластится, а она гладит, гладит ее по теплой мягкой шерсти. Как бы он хотел оказаться сейчас этой кошкой!

С этими мыслями Мойсе резко встал и зашагал к дому Меританейт. Хотя почему Меританейт? Это дом Патипара. «О, ненавистный Патипара!» – подумал Мойсе.

С первых же шагов Мойсе понял, что его качает, словно от выпитого пива. Мир вокруг изменился: он с трудом узнавал улицы, по которым шел. С другой стороны, ночью все улицы кажутся иными, чем днем. Отец как-то рассказывал ему, как после потасовки с молодцами с другого конца города шел домой ночью – и все время оказывался в незнакомых местах. Когда занялся рассвет, глаза его словно бы раскрылись, и он понял, что всю ночь плутал неподалеку от своего дома, не находя верного пути.

Вспомнив отцовский рассказ, Мойсе испугался, что не найдет дорогу к Меританейт, и стал озираться: стены, если посмотреть на них краем глаза, окрашивались радужными бликами. А вот и дом кузнеца. Наконец-то. За ним – ограда дома Патипара.

Мойсе привычным движением взлетел на ограду, огляделся и спрыгнул вниз. Было очень тихо. Так тихо, что тишина эта давила на уши. Ему вдруг стало душно, он начал задыхаться. Ноги не слушались. Шаг, другой, третий – он у стены дома. Теперь нужно схватиться за край окна и подтянуться. Та-а-ак. Вот он уже в комнате.

Меританейт спала как ребенок, подложив ладошку под щеку. Мойсе приблизился к ней, стараясь не шуметь. Странно, но он не слышал вообще никаких звуков, словно уши заложило. Он наклонился к ней и прошептал в самое ухо: «Мойсере! Меня зовут Мойсере!» Меританейт лишь чуть пошевелила губами.

Мойсе не удержался и слегка дотронулся до ее волос. О, это нежное чувство! Слезы полились из глаз Мойсе. Вдруг он почувствовал, что не может оторвать руку от волос Меританейт, словно кто-то схватил ее и держит. Мойсе очень испугался, дернулся и... проснулся. Он лежал на берегу реки, у потухшего костра, неловко подогнув по себя руку.

Свершилось

На утренние занятия он, конечно, опоздал. Проспал. Да так проспал, что решил и вовсе не идти в школу. Вместо этого он пошел знакомой дорожкой к дому Патипара. И только было влез на забор, как услышал по ту сторону негромкий разговор.

Речь доносилась из зеленой беседки у самого забора.

– Говорю, тебе, он разлюбил меня, – сказала одна женщина. – Больше месяца не зовет на ложе.

– Может, он утратил мужскую силу? – отвечал второй голос. – Может, его сглазила или, наоборот, приворожила какая-нибудь красотка из Большого Дома?

– Ничему не удивлюсь по нынешним-то временам, – отозвался первый голос.

Сердце Мойсе затрепетало. Он понял, что этот голос принадлежит Меританейт. Счастье само шло к нему в руки, и внезапно у него созрел план. «Как бы мне рассмотреть, с кем она там разговаривает?» – подумал он.

Прошло немало времени, прежде чем женщины, наговорившись, вышли из беседки. Сердце Мойсе при виде Меританейт бешено забилося. Он сполз с забора, чтобы не быть замеченным, и повис на руках.

Служанка Меританейт – именно она оказалась ее собеседницей – была женщиной молодой, коренастой, но не лишен-

ной изящества. Мойсе успел отметить ее полные икры, широкие бедра и узкую талию. Ее сильно выющиеся черные волосы были перетянуты яркими лентами. Мойсе решил следующим утром дожидаться ее выхода из дома: она наверняка пойдет на базар, и там можно будет с ней переговорить.

Утро следующего дня Мойсе провел неподалеку от ворот дома Патипара. Долго ждать не пришлось. Как он и предполагал, служанка Йамала – так, кажется, ее окликнула Меританейт, напоминая купить что-то важное к столу, – вышла с корзиной из ворот и направилась в сторону базара. Мойсе пошел за ней.

Придя на базар, окунувшись в его гул и запахи, Мойсе долго не решался подойти к Йамале. Она же тем временем переходила от лотка к лотку, покупала фрукты, зелень, крупу, громко торговалась, отвечала на шутки продавцов, смеялась. От шума и суеты у Мойсе слегка закружилась голова. Не зря западный базар стал олицетворением толчеи, суеты и изобилия разнородных товаров. Наконец он решился и тронул девушку за локоть.

Она резко повернулась и вопросительно на него посмотрела.

– Что такое? – спросила она.

– Ты живешь в доме Патипара? – спросил Мойсе.

– А тебе какое дело? – ответила она и стала оглядываться вокруг. Лево́й рукой она нащупала свой кошель. На базаре не зевай: один жулик отвлекает, второй лезет за кошельком.

– Не волнуйся, – сказал Мойсе, – я не вор.

– А мне почему знать? – возразила Йамала.

– Послушай, я дам тебе это, – Мойсе достал из своего кошелька кусочек серебра, – только выслушай меня.

Взяв серебро, Йамала убирать его не стала, а зажала в ладони:

– Ну, говори, что тебе нужно?

– Понимаешь, какое дело... – начал Мойсе, волнуясь все сильнее, – я хочу встретиться с твоей госпожой. Наедине. Можешь мне помочь?

– Вот это новость! – усмехнулась Йамала. – Уж не перегрелся ли ты на солнце? Ты знаешь, кто ее муж?

– Знаю! – ответил Мойсе. – Однако я знаю и то, что он более не любит ее – и она страдает от этого. А я... Я очень ее люблю. С ума схожу по ней.

– Чудеса, – протянула Йамала. – Должно быть, богиня Асет послала нам тебя.

Она взгляделась в лицо юноши и сказала:

– Хорошо, я помогу тебе. У Патипара есть домик на берегу реки. Моя госпожа любит там бывать и смотреть на воду. Я покажу тебе, как туда пройти, и устрою встречу, а там уж ты ей и откроешься.

– Это хорошо, но я опасюсь, как бы Патипара туда не пришел внезапно. Не могла бы ты привести свою госпожу, куда я скажу?

– Смотря куда, – ответила Йамала.

– В квартал, где живут жрицы Дома Асет, – ответил Мойсе. – Скажи Меританейт, что жрица Асти, знающая многие заклинания и рецепты снадобий, может вернуть ей привлекательность в глазах мужа. Я буду ждать ее там.

– Хорошо, – сказала Йамала, – будь по-твоему. Завтра после полудня жди ее там. Расскажешь, как найти твою Асти?

– Конечно, – ответил Мойсе и в подробностях объяснил путь к дому жрицы.

Закончив с этим важным делом, Мойсе, довольный собой, побежал в школу, а вечером навестил Асти и предупредил ее о завтрашнем посещении.

Утром он снова пришел в школу, но мысли его были далеко. Не выполнив толком задания, данного учителем, он получил от него нагоняй и, сказавшись больным, ушел. И немедленно пошагал в сторону дома Асти, то и дело сбиваясь на бег.

Асти встретила его своей пугающей улыбкой:

– Что, молодой лев, добыча идет к тебе в лапы?

– Я уже и сам не рад, что затеял все это, – ответил Мойсе, переводя дух от быстрой ходьбы на жаре.

– Когда забираешься на скалу, не смотри вниз, – сказала Асти, – пока не достигнешь вершины.

Она провела Мойсе в дом и оставила в самой дальней комнате.

– Возьми эту мазь, – протянула она ему мисочку, выточенную из камня. – Она отобьет запах пота и придаст твоему

телу приятный женщине аромат. Натри ею грудь и шею.

Мойсе взял посудинку и сделал так, как сказала Асти. Минуты ожидания тянулись бесконечно долго. Вдруг раздался стук в двери, затем голоса... Женские. Сердце Мойсе, уже успокоившееся было, снова ощутимо заколотилось в груди. Мойсе слышал, как Асти пригласила в комнату Меританейт и как та рассказывала ей свою историю. Потом Асти начала обряд. Она воскурила благовония, запах которых дошел до Мойсе. Послышались едва различимые заклинания и песнопения, которые творила Асти.

– О, великая богиня Асет, – доносилось до ушей Мойсе, и дальше неразборчиво: –...Меританейт... как Усира – возлюбленного своего... как белую корову, идущую за травой зеленой... как пастух ведет стадо к водопою... Слово мое твердо. Йамин.

Наступила тишина: Асти готовила напиток для Меританейт. Та, по-видимому, его выпила. Снова послышался голос Асти. Она негромко запела, да так глубоко и проникновенно, что у Мойсе на глазах выступили слезы:

– В этот вечер, в этот вечер мне чего-то не спалось...

Допев, Асти продолжила читать заклинания. В какой-то момент все затихло, и Асти вошла в комнату к Мойсе.

– Сделано, – прошептала она, – иди к ней.

От этих слов Мойсе задрожал всем телом и на мгновенно ослабевших ногах прошел в комнату к Меританейт. Та сидела на стуле посреди комнаты. Глаза ее были открыты и бле-

стели, словно бы она выпила вина. Взгляд ее был устремлен в стену, а вошедшего Мойсе она не замечала. Он приблизился к Меританейт, присел на корточки и взял ее за руку. Она не испугалась, лишь медленно перевела взгляд на него.

– Кто ты? – спросила Меританейт, едва двигая языком.

– Я Мойсе, – ответил он.

– Мойсе... Мне кажется, я где-то слышала это имя... – произнесла она. – Кажется, во сне... Мне приснился юноша, похожий на тебя, и некто назвал его имя: Мойсе. Быть может, я и сейчас вижу сон?

– Да, дорогая Меританейт, – горячо произнес Мойсе, – это похоже на сон. И пока он не прервался, я хочу сказать тебе... Я хочу... Ты такая красивая! Увидев тебя однажды, день и ночь я думаю только о тебе. Я хочу вечно смотреть на тебя, обнимать тебя.

Он вглядывался в ее лицо – и узрел, как тень страдания пробежала по нему. Она всхлипнула, и слезы потекли по ее щекам.

– Мне так одиноко, – сказала Меританейт тем самым пронзительным женским голосом, от которого дрогнет сердце любого мужчины. – Так обидно, Мойсе, если бы ты знал!

Мойсе поднял ее со стула и обнял. Меританейт склонила голову к нему на грудь и расплакалась. Постояв так несколько минут, он наконец решился, отстранился и поцеловал ее соленые от слез губы. Она не сопротивлялась. Напротив, по-

началу робко ответив ему, с жаром стала целовать в ответ.

Кровать Асти, застеленная многими цветными покрывалами, была рядом. И все, о чем Мойсе мечтал и не мечтал одновременно, случилось.

Потом они лежали обнявшись, и Меританейт рассказывала ему:

– Понимаешь, Мойсе, мне обидно. Мне уже двадцать пять лет, и пять из них я с Патипара. Я прошла с ним долгий путь. Тогда, пять лет назад, он еще не был начальником стражи, а командовал отрядом в крепости на границе. Жизнь там – не приведи Амон. Жара, грязь, воды мало, толком не помыться. Знал бы ты, какая вонь стоит в казармах! А эти набегии одичавших разбойников! Никогда не знаешь, вернется муж из-за стены или нет.

Губы Меританейт сжались после этой фразы, а глаза заблестели слезами. Мойсе молча ревновал, понимая, как сильно красавица Меританейт любит Патипара. Та продолжила, помолчав:

– Однажды отряд под командованием друга Патипара вышел в рейд по пустыне и попал в засаду. Вернулся только один воин. Проведя бессонную ночь, рано утром Патипара выступил со своим отрядом, чтобы расквитаться с разбойниками. Примерно в трех часах маршевого хода ему открылась чудовищная картина. Между скал по разные стороны тропы лежали изуродованные тела воинов. Проклятые хеки, так назывались эти нелюди, издевались над нашими воина-

ми, прежде чем убить их. Патипара плакал, когда рассказывал мне об увиденном, несмотря на то что до этого не раз сражался и бывал ранен. В тот день его волосы тронула первая седина.

Она замолчала. Мойсе представил себя на месте молодого кеметского воина, которому мерзкий бородач тупым ножом отрезает голову, и его затошнило. Кровь бросилась в лицо, и слезы защипали глаза. Ему вдруг захотелось стать воином Великой Пчелы, править колесницей, нестись вместе с лавиной таких же, как он, храбрых парней, круша и давя кости хеков, разбивая их черепа палицей.

Его мечтания прервал голос Меританейт:

– И после всего... Он взял себе новую жену. Не наложницу не рабыню – в нашем обиходе это обычное дело, – а жену! Совершил все положенные обряды, ввел в дом, а теперь еще и не приходит ко мне по ночам.

Она всхлипнула. В ответ Мойсе крепче обнял ее, прижал к себе и спросил:

– Когда мы снова увидимся?

– Можно завтра. Приходи после полудня в наш дом на берегу реки. Я расскажу, как его найти.

Крокодил

На следующий день Мойсе еле дождался полудня и помчался к реке как на крыльях. Меританейт была уже там: она накрыла стол, угостила гостя фруктами и прохладным напитком. Что это было за время, проведенное с ней!

Мойсе вдруг почувствовал себя взрослее – намного старше своих лет. И он был счастлив. Абсолютно счастлив. Спроси его кто о том, что находится за стенами этого маленького домика на берегу реки и какой сейчас день Луны, он бы затруднился ответить. Нет времени, нет мира вокруг – есть только они и любовь.

Однако время все же напоминало о себе. Солнце клонилось к западу, и Меританейт пора было возвращаться домой. Это было мучительно и в то же время сладко. Сладко от надежды на новую встречу.

Так прошла неделя, и вторая прошла. Их с Меританейт встречи не были ежедневными. Мойсе продолжал ходить в школу, но мысли его были далеки от каллиграфии и сложения чисел. В один из дней учитель задал ученикам переписывать тексты с папирусов. Мойсе досталась какая-то история из времен царя Энебука. Начал он выводить строчки: «И вот прошли дни после этого. Была в саду Убаинера беседка. И сказал юноша жене Убаинера: Есть беседка в саду Убаинера, хочу уединиться там с тобою».

«Прямо про меня», – подумал Мойсе. Он продолжил выводить слова: «И вот, когда озарилась земля и наступил новый день, слуга, ходивший за садом, пошел да и рассказал о произошедшем Убаинеру».

Эти слова кольнули сердце Мойсе – в самом деле, в груди слева он на мгновение ощутил что-то вроде жжения. Он пробежал взглядом по строчкам текста далее: «Тогда принес слуга воскового крокодила, и Убаинер сказал ему: Как спустится юноша к пруду по каждодневному обыкновению своему, бросишь ты воскового крокодила в воду ему вслед».

Мойсе прочитал историю до конца и вспотел: дело закончилось тем, что восковой крокодил превратился в живого и утащил юношу под воду, неверную жену сожгли живьем, а пепел развеяли над рекой. Мойсе стало не по себе. С трудом он заставил себя выполнить задание учителя, сдал работу и пошел домой.

В эту ночь он долго не мог уснуть, долго ворочался – а потом провалился в сон. И вот приснилось ему, что он стал котом и бегает по крышам домов. Его тело казалось легким, гибким и сильным, намного сильнее человеческого. Глаза хорошо видели в темноте. С легкостью он совершал огромные прыжки. При этом поза на четвереньках ощущалась как вполне естественная – ему и в голову не приходило встать на задние лапы!

В какой-то момент Мойсе вспомнил о Меританейт и решил отправиться к ней. С крыши на забор, с забора на кры-

шу. Прыжок, еще прыжок. Куда дальше? Он совершенно не узнавал местность. Это был какой-то другой город. Мойсе понял, что ему не найти дом Меританейт, и в отчаянии проснулся.

Долго лежал с открытыми глазами, слушая, как бьется и не унимается сердце. Наконец сердце успокоилось, и он снова уснул. И тогда в его сон явились люди с оружием. Они ворвались в дом к Мойсе, где он почему-то оказался в полном одиночестве. Лица людей были злы. Но это была не ярость и не гнев, а ледяная злоба убийц, знающих свое дело и делающих его без суеты и с уверенностью в своей правоте: «не мы такие, жизнь такая, а ты, парень, уже не жилец, прости». Они поднесли нож к его горлу, и от ужаса Мойсе проснулся.

Отец ему говорил, что брать чужое нехорошо. Мойсе вдруг понял, что это может относиться и к чужим женам, и был сильно раздосадован своей глупостью. Теперь Патипара вполне может подослать к нему убийц.

Нож! Вот что ему нужно. Мойсе вспомнил, что один из его друзей рассказывал про красивые и прочные ножи, которые хранились у него дома.

Хороший нож

Школьный друг Мойсе, Ааре, был крепким юношей. У него были широкая грудь, коротковатые ноги с мощными икрами и крупные сухие ладони гребца. Его рыжеватые волосы вились тяжелыми кудрями. Ааре не походил на Мойсе, но в школе их прозвали близнецами, после того как они в первый день занятий, войдя в комнату, хором поприветствовали учителя.

Ааре славился своими заплывами. Он запросто мог переплыть Хапи, прыгнув с пристани Миннофара, и через час вернуться обратно. Однажды он сделал это на спор за три кадета меди. Погода стояла холодная, дул ветер, течение было сильным – но Ааре все казалось нипочем. Рамси, Херухеб и Мерипта, юноши из богатых семей, сбросились на это опасное мероприятие.

Мойсе пытался отговорить друга, но тот только тряхнул, как баран, кудрявой головой и бросился с разбегу в воду. Его не было больше часа. Мойсе стало страшно – вдруг Ааре не вернется? Парни же перебрасывались циничными шутками.

– Должно быть, Ааре утащил крокодил, – сказал Херухеб. – Предлагаю пойти помянуть его хорошей кружкой пива.

– Нет, – возразил Мерипта, – он, наверное, встретил речную деву и развлекается с ней в камышах.

Все, кроме Мойсе, заготовали.

Прошло еще немного времени, и они увидели бредущего к ним Ааре. Течением его отнесло далеко вниз от того места, где они стояли в ожидании. Он выглядел как молодой бог, вышедший из первозданных вод. Богатырская грудь его вздымалась, натруженная долгим глубоким дыханием, а волосы искрились капельками воды.

– Ну ты силен, Аарон, – сказал Херухеб, отдавая ему медь. – Держи обещанное.

В другой раз Мойсе и Ааре сбежали с урока в школе Муэт и отправились бродить по городу. Это же так волнующе – сбежать с урока и в необычное для себя время побыть в необычной обстановке. Жизнь ученика течет размеренно. Утром в определенный час ты должен явиться в комнату с прочими учениками и делать то, что скажет учитель. Ну или просто сидеть, глядя, как тени меняют свое положение вслед за движением Солнца по небу, пока учитель не щелкнет тебя тонкой палочкой по макушке. Палочка эта предназначена для нескольких дел. Ею можно чертить иероглифы, указывать на предметы – и при случае приложить нерадивого ученика по рукам или другим частям тела. Когда Солнце уже перевалит хорошо за полдень, ты, голодный, отправляешься домой, мечтая о вкусных хлебных лепешках и кружке молока.

Если же сломать заведенный обычай и сбежать с уроков, жизнь заиграет новыми красками. Ты увидишь мир, кото-

рый, оказывается, существует и живет своей жизнью, покуда ты сидишь, вычерчивая палочкой занудные иероглифы!

Так и сделали Мойсе с Ааре. Они пошли в самый дальний конец города, по дороге разглядывая девушек и делясь друг с другом короткими замечаниями на их счет.

Слово за словом – и они не заметили, как оказались у винокурни. Характерный запах выдавал течение определенных процессов, с давних пор дарующих людям возможность от решиться от надоевшей обыденности, погрузиться в мир веселия и грез, увидеть себя изнутри, дать волю словам и следам.

Мойсе и Ааре переглянулись. Озорно вскинув брови, Ааре потянул Мойсе к себе:

– У тебя есть бутылка, Мойсе?

– Есть, но там еще немного воды.

– Допивай, сейчас посуда нам понадобится.

Мойсе допил воду, и Ааре, взяв бутылку, двинулся вдоль забора, свернул за угол и исчез. Мойсе остался топтаться посреди улицы, чувствуя себя неловко. Вскоре с той стороны, куда ушел Ааре, раздался крик:

– А ну стой, тварь! Догоню – прибую!

У Мойсе тут же во рту стало кисло, словно он откусил от незрелого яблока. Через мгновение из-за угла выскочил Ааре:

– Бежим!

И они побежали. Сердце Мойсе бешено стучало, а дыха-

ние перехватывало.

Вскоре бег закончился. Они встали друг напротив друга, слегка наклонившись вперед, переводя дух.

– Вот, хорошо зачерпнул! – усмехаясь и потряхивая бутылью, сказал довольный Ааре. – Пошли.

Они вышли за город и сели в тени пальмы. Первым глотнул Ааре.

– Ну как? – спросил Мойсе.

– Сам попробуй!

Мойсе понюхал ароматную жидкость и сделал большой глоток – очень уж хотелось пить. Бутыль быстро опустела. Напиток оказался терпким и вкусным. Буквально через пару минут Мойсе почувствовал, как уши у него заложило, словно он нырнул под воду. Так бывало, когда он с мальчишками купался в реке – зажав нос пальцами и надув щеки, он погружался в воду и болтался в ней, как поплавок.

Это ощущение слегка испугало Мойсе, но вскоре накатил волна радости и смыла все страхи. Обнявшись и напевая веселую песенку про орленка, они с Ааре пошли обратно в город. Солнце было уже у горизонта, и поперек дороги легли длинные тени, через которые приходилось перешагивать.

* * *

Вот к этому самому Ааре и отправился Мойсе, обеспокоенный своим кошмарным сном. Дверь открыла сестра Ааре,

Мериамон, высокая стройная девица. Волосы ее были прямыми, черными, как воды Хапи ночью, и так же переливались таинственным блеском, когда поводила она своей гордо посаженной головой. Мойсе непременно влюбился бы в нее, не будь его сердце в плену у Меританейт.

– Кто там? – спросила из кухни мать Ааре.

– Это Мойсе, друг Ааре, – откликнулась Мериамон.

– Проходи, Мойсе, – отозвалась мать, – мы сейчас будем завтракать. Мериамон учится стряпать. Вот лепешек напекла, да таких вкусных, какие я только у своей матери ела, – добавила она с тем воодушевлением в голосе, которое появляется, когда твое чадо делает первые успехи в преподаваемой ему науке.

Появился Ааре:

– Привет, Мойсе! Проходи, поешь с нами, – сказал он.

Лепешки действительно оказались очень вкусными. Теплые, ароматные, чуть присыпанные мукой, с множеством наколотых дырочек по поверхности, с молоком они были просто великолепны. Мойсе поблагодарил, когда они закончили есть, и обратился к другу:

– Ааре, у меня к тебе дело. Ты говорил, что у тебя есть ножи. Не мог бы ты мне показать их? Я хочу заказать себе хороший нож.

– Хорошо, Мойсе, я покажу тебе ножи, пойдем, – ответил Ааре, и они прошли к нему в комнату.

Обстановка в комнате Ааре была самая обычная. Трост-

никовые циновки по глиняному полу; низенькая, грубо сложенная кровать с одеялом из верблюжьей шерсти и туго набитой травой подушкой, вышитой искусными руками его матери. Был здесь и сундучок, точь-в-точь как дома у Мойсе. В детстве Мойсе любил забираться на него и лежать, свернувшись калачиком, как кот.

Ааре открыл сундучок и достал оттуда несколько кинжалов. Глаза у Мойсе сразу загорелись, «разбежались и не сбежались», как он потом в шутку говорил. Один из ножей отличался серым, тускло поблескивающим лезвием длиной от кончика большого пальца до кончика мизинца полностью раскрытой ладони. Ручка была наборная, из искусно подогнанных деревянных и костяных колец, обильно украшенная резьбой. Ножны – из кожи с тиснением. Заметив горящий взгляд Мойсе, Ааре сказал:

– Хочешь, я его тебе подарю? Отец со строителями работал в каменоломнях неподалеку от Города Мертвых, и в подземельях они много разного добра нашли. Это оттуда.

– Конечно хочу, Ааре.

– Дарю, брат. Ты же мне как брат, правда?

– Воистину, Ааре, – сказал Мойсе. – Я слышал, есть такой ритуал: если мы сделаем надрез на ладони и пожмем друг другу руки, то точно станем кровными братьями.

Так они и сделали. В этот день Мойсе обрел кровного брата и хороший нож.

Побег

Прошло более месяца с того дня, как Мойсе стал встречаться с Меританейт в доме на берегу реки, и это был поистине медовый месяц. В один из дней Меританейт задержалась дольше обычного. Уже начало темнеть, а любовники все никак не могли расстаться. Наконец Меританейт сказала:

– Мне пора, любимый...

Она встала, быстро оделась; Мойсе оделся следом. Он взял со стола свой нож и хотел было повесить его на пояс. В этот момент снаружи раздались шаги, дверь в дом распахнулась, и в комнату ворвались какие-то люди. Мойсе оцепенел.

– Вяжите его, – скомандовал один из вошедших.

Двое шагнули к Мойсе, и он, выхватив нож, со страху полоснул им перед собой. Удар пришелся по уху и шее одного из нападавших. Тот схватился за шею и крикнул:

– У него нож!

Мойсе тем временем опрокинул стул под ноги второму и бросился к дверям-окнам, выходящим на реку. Выскочив на берег, он что было сил бросился бежать вдоль реки.

Мойсе бежал так, как не бегал никогда в жизни. Сердце бешено колотилось – больше от страха, чем от бега, дыхание стало шумным, таким, что на вдохе он издавал стон, похожий на рыдание вдовы над мертвым телом мужа. Поняв наконец, что погони нет, Мойсе остановился – и долго и трудно

гонял воздух наполнявшейся до предела грудью.

Отдышавшись, он побрел вдоль берега, пока не наткнулся на лодку. Хозяина поблизости видно не было – должно быть, ее унесло течением у незадачливого рыбака. Лодка была примерно в два человеческих роста. На дне лежало единственное весло.

Забравшись в лодку, Мойсе оттолкнулся веслом от берега и быстро стал загребать то с левого, то с правого борта. Лодка шла хорошо. Поначалу, правда, было трудно удержать равновесие, и Мойсе едва не свалился за борт, но потом приловчился и стал разгоняться, как заправский лодочник.

Он выгреб на середину реки, и течение стало ощутимо сносить лодку – это Хапи обнял ее, прижал к могучей груди и повлек к далекому морю. Мойсе лег на дно лодки, все еще сжимая весло.

Только шелест воды и звезды над головой – в другой ситуации он мог бы наслаждаться покоем и красотой природы, но в эту минуту все было иначе. Накатило отчаяние, и глаза резануло слезами.

Мойсе вспомнил, что еще этим вечером он был самым счастливым человеком на свете; вспомнил, как сидел, обнимая Меританейт, вдыхая аромат ее кожи и волос. А что, если он больше не увидит ее? И что будет с ней? Вдруг Патипара убьет ее?

Эта мысль была невыносимой. И всему виной он! Проклятая ведьма Асти! И что стало со слугой Патипара, кото-

рого он полоснул ножом? Зачем вообще он выхватил нож? Это было похоже на то, как если бы некто вселился в Мойсе и управлял его телом. Вот до чего доводит колдовство...

Слезы катились из глаз Мойсе, стекая к шее и щекоча кожу за ушами. Но постепенно они высохли. Река ублажала несчастного юношу. Он лежал и смотрел в звездное небо, а полная Луна сопутствовала его движению. Вспомнился ему урок священной истории, как Солнце-Ра каждый вечер садится в лодку и плывет в ночь, прямо как сейчас Мойсе. Во мраке Ра подстерегают крокодил Гоп и чудовищный змей Аапоп – порождения богини Нейт. В самый темный час они приступают к Ра, готовые напасть, разорвать и проглотить Владыку Света. Аапоп выпивает всю воду из реки, и лодка Ра оказывается на мели, а крокодил Гоп пытается проглотить Ра. Это ему удастся. Горе! Горе! Крокодил наше Солнце проглотил!

Однако доблестный Ра достает свой короткий, но острый меч и вспарывает брюхо крокодилу Гопу. Выбирается наружу и отсекает голову Аапопу. Из обезглавленного тела змея льется вода, снова наполняющая реку. Ра возвращается в лодку и продолжает свой путь к рассвету. Он опять выходит победителем – а на следующий день все повторяется.

Незаметно для себя Мойсе уснул, и могучая река понесла его в новую жизнь, полную опасностей и приключений.

На берегу

Проснулся Мойсе с первыми лучами солнца. Лодку прибило к берегу, и она мерно покачивалась в прибрежных камышах. Мойсе выбрался из лодки и потянул ее за собой. Полностью вытащить лодку из воды оказалось непросто – голова кружилась, к горлу подступала тошнота, ноги не слушались.

Наконец он справился с задачей и бессильно повалился на песок. Солнце быстро поднималось над горизонтом. Начинало припекать. Что делать дальше, Мойсе не знал.

Постепенно силы вернулись к нему – юность неутомима. Однако пора было подкрепиться. В эти часы мать обычно поила его молоком со вкусными лепешками и отправляла на занятия, дав с собой хлеба, сухих фруктов и воды. От этих мыслей рот Мойсе наполнился слюной, и в подреберье что-то заурчало.

На его счастье, неподалеку от берега росли финиковые пальмы. Шел четвертый месяц сезона Ахет, и плоды их уже созрели. Как известно, финики – лучшая пища для путешественника или воина в дальнем походе.

Пальмы были невысокие, в три-четыре человеческих роста. Но лезть на них Мойсе не пришлось: под деревьями было полно опавших и уже сморщившихся на жаре плодов. Мойсе выбрал самые, на его взгляд, свежие и попробовал: вкус у

них был великолепный. Немного утолив голод, он вернулся к реке. Зайдя в воду по колено, зачерпнул пригоршню воды и, испросив, как водится, разрешения у Хапи, выпил ее.

Что делать дальше, Мойсе не представлял. Более того, не представлял себе, где находится сейчас! Он пошел по берегу реки, надеясь выйти к селению. Солнце двигалось вместе с ним, играя лучами в пальмовых ветвях. «О великий Ра! Ты сопутствуешь мне», – подумал Мойсе, и глаза его вновь резануло слезами. Однако слезы замерли и не покатились наружу, но пролились куда-то внутрь, отчего стало тепло и хорошо.

Прошагав так час или чуть больше, Мойсе увидел неподалеку от берега хижину рыбака. Это была ветхая постройка из каких-то коряг, выброшенных рекой, прутиков, веточек и листьев. На рогатинах сохли развешенные сети. Лодки поблизости не было. Наверное, хозяин был занят своим промыслом.

Мойсе уселся возле хижины и стал смотреть на реку. Прошло немало времени, и он, заскучав, начал набирать в руку песок и высыпать его струйкой. «Течет река, течет песок, время течет», – думал Мойсе. Дальше думать он не мог. Песчинки приятно щекотали ладонь, ускользая из нее.

Вдруг он заметил лодку и человека в белом клафте на ней. Тот быстро приближался, подгребая веслом слева и справа вдоль бортов своей посуды. Лодка с шипением врезалась в берег, и из нее выбрался невысокий, очень смуглый сухо-

парый старик.

Иуан

То, что Мойсе издалека принял за клафт, оказалось копной седых волос – белых-белых. Мойсе приветствовал седовласого незнакомца взмахом руки:

– Добрый день, уважаемый! Не подскажите, что это за место?

– Отчего же? Подскажу! В часе пешего хода отсюда город Эн. А сам ты откуда будешь?

– Я из Миннофара. Там остались мои братья, сестры, мать и отец, – сказал Мойсе и тяжело вздохнул.

– Как же случилось, что ты оказался так далеко от дома? – спросил старик.

– Долго рассказывать, – ответил Мойсе.

– Ничего, я уже никуда не спешу, – сказал старик с доброй улыбкой, обнажившей его на удивление белые зубы. – Не побрезгуй пройти со мной в хижину, и я угощу тебя, чем Хапи послал.

Мойсе обрадовался возможности поесть рыбы. Одними финиками сыт не будешь.

– Собери нам что-нибудь для костра, – попросил старик.

Мойсе отправился вдоль берега собирать камыши, сухие листья, выброшенные на берег ветки деревьев, почерневшие и голые. Вскоре ему удалось собрать приличную охапку топлива для костра, и он вернулся к хижине. Старик уже выпол-

трошил рыбу и разложил ее на пальмовых листьях.

– Давай скорей, костровой! – поторопил он Мойсе.

Аккуратно сложив шалашом принесенные ветки, чиркнул кресалом на листья и камышовый пух. Затлели искры. От дуновения вспыхнули первые языки пламени, которые быстро расправились с мелкими ветками и, набрав силу, принялись за крупные.

Пришло время для разговоров.

– Так ты, говоришь, из Миннофара? – начал старик. – Как там Белые Стены? Еще стоят? – он снова обнажил в улыбке зубы цвета этих самых стен.

– Куда они денутся, – подхватил Мойсе и улыбнулся в ответ.

– А рыбка почему нынче на базаре? – продолжал хозяин лачуги.

– Да по-разному, – отвечал Мойсе, – есть по три, но мелкая, а та, что побольше, та по пять...

Тем временем угли прогорели, и старик уложил на них листья с рыбой. Запах был сначала неприятный, но потом рот Мойсе наполнился слюной от аромата жареной рыбки. Старик сходил в дом и принес оттуда кувшин с пивом и две деревянные кружки.

– Ну что ж, давай знакомиться, что ли? – сказал старик. – Как звать-то тебя?

– Мойсере, – ответил Мойсе. – Близкие зовут меня Мойсе. Звали... – он осекся.

– Я Иуан-рыбак, – представился старик. – Ловец снов, – добавил он ни к селу ни к городу. – А что случилось с твоими близкими?

– Ничего. Я просто оговорился, сказав «звали». Просто мне теперь не вернуться домой. Так получилось.

Старик наполнил кружки пенным напитком и протянул одну из них Мойсе. Пиво было прохладное, горькое и немного пощипывало язык. Мойсе сделал несколько больших глотков – пить очень хотелось.

Утолив жажду, старик продолжал:

– Так что, ты говоришь, случилось-получилось? Почему ты покинул дом?

– Ее зовут Меританейт, и она жена знатного вельможи, – начал Мойсе, глядя вбок. – Я влюбился в нее, повстречав в храме. Потом ходил подглядывать за ней – и, наконец, обрел недолгое счастье тайных встреч. Кто-то донес о наших свиданиях ее мужу – у него повсюду множество соглядатаев. Воины пытались схватить меня, и я нечаянно ранил одного из них. Сильно. Последнее, что я помню, это крик Меританейт: «Беги, Мойсе, беги!» Вот, собственно, и вся история. Она длилась чуть более трех месяцев – а мне кажется, прошла целая жизнь.

– Ну уж и целая жизнь, – усмехнулся старик. – Ахет как маленькая жизнь – так, кажется, говорят? В твоем возрасте один день как мои десять, это да.

Он помолчал.

– Да, натворил ты дел... подвел и ее, и себя, – Иуан пристально посмотрел на Мойсе: – А не обращался ли ты к духам за помощью в своем любовном деле?

Мойсе словно ударился локтем об угол двери. Язык у него закололо.

– Да... А вы откуда знаете?

– Я не то чтобы знаю, я чувствую... – Иуан потыкал веточкой в рыбину: – Однако рыбка наша совсем готова. Давай есть.

Хозяин снова наполнил кружки до краев. После второй кружки в ушах у Мойсе зашумело, а по телу разлилась приятная слабость. Он отведал рыбки – должно быть, листья придавали ей такой тонкий вкус. Запах тоже был очень аппетитным.

Мойсе отделял мясо от костей и один за другим отправлял в рот ароматные кусочки, таявшие на языке. Жаль, что рыбешка оказалась такой маленькой! Старик заметил его взгляд:

– Что, мало? Возьми половину от моей. Я уже сыт. Мне, старику, много ли надо?

Мойсе поблагодарил его и съел еще половину рыбины. «Вкусны ли жареные рыбки» – так, кажется, называлась сказка, которую мама рассказывала ему в детстве перед сном. Ему снова стало очень грустно, и слезы навернулись на глаза. Он встряхнул головой и спросил, чтобы отвлечься:

– Дядюшка Иуан, а расскажите мне о своей жизни...

Должно быть, у вас много интересных и поучительных историй?..

– Ты хочешь историй? Их есть у меня... Ну слушай...

Иуан обратил взгляд свой куда-то вдаль и начал рассказ:

– В жизни мне приходилось выполнять разную работу, но лучше всего у меня получалось ловить рыбу. Я ловил ее и продавал на базаре. С годами я построил дом в городе Эн, завел семью, детей. И все было хорошо. Но однажды я вернулся без улова. Печальный день. Первый раз случилось со мной такое. И на следующий день я не поймал ни единой рыбки. И на третий день тоже. Так продолжалось сорок восемь дней! Представь только: сорок восемь дней! Нечем стало кормить семью. Жена говорила, что меня сглазили завистники, наслали порчу, сотворили сильное заклинание на убыток в моем деле. Я задумался. Перед следующим выходом на реку я нанес иероглифы удачи на борт моей лодки и на гарпун. И надо ж такому случиться – удача улыбнулась мне! Огромный окунь попался в мою сеть, просто царь-окунь. И хотя тело его было в воде, я разглядел, что в длину он был больше человеческого роста. Я загарпунил его и, крепко привязав веревкой к борту лодки, принялся быстро-быстро грести к берегу, чтобы на мелководе расправиться со своей добычей. Но у самого берега меня поджидал чудовищного размера крокодил. Он набросился на окуня и начал рвать его острыми зубами. Я схватился за веревку и стал тянуть в свою сторону. Куда там! Веревка в кровь изрезала мне руки. У меня

на глазах моя добыча доставалась другому. Я что было мочи ударил крокодила веслом по голове – оно отскочило, точно от валуна. Чудовище бросилось на меня, пытаюсь утопить лодку. Мгновение – и его голова с раскрытой пастью легла поперек лодки. Не помня себя от страха, я выхватил нож и всадил монстру в глаз. Его кровь струей брызнула мне на израненные руки и смешалась с моей. Издав стон, от которого у меня дыбом встали волосы по всему телу, крокодил погрузился в воду, замотал хвостом и лапами на одном месте, дернулся и затих. Я убил его. Переведя дух, я подгреб к берегу и вытащил лодку. Идти я не мог и в бессилии упал на песок. Ближе к вечеру соседи нашли меня и принесли домой. От окуня осталась только голова, но она была так велика, что сваренной из нее ухи хватило на всю семью, да еще угостили принесших меня соседей.

К ночи у меня сделался жар. Я то проваливался в сон, в котором слышал плеск воды и видел разверзающуюся пасть крокодила, то просыпался, хватая ртом воздух и задыхаясь, словно меня, сдавливая грудь, душили невидимые силы. Под утро я почувствовал себя лучше и даже попытался встать. Не сразу, но мне это удалось. Я вышел во двор – и тут услышал такой звук, будто пес скребся с улицы в ворота. Медленно пошел я к воротам, раздумывая с опаской, не забыли ли мои близкие запереть их. Я был в шаге от ворот, когда их створки распахнулись, и во двор вошли одетые в плащи из водорослей люди – косматые, пахнущие тиной, илом, речной водой.

Страх сковал мои руки и ноги, все тело окаменело, язык отнялся. Я стал кричать, но голоса своего не слышал.

– Разбудите меня! Разбудите меня! – кричал я, из всех сил напрягая горло, но оно издавало лишь шипение, едва слышное даже мне. Люди окружили меня. Вонь усилилась, и я услышал грубый пропитой голос, словно бы принадлежавший бывшему каторжнику, побиравшемуся на нашем базаре. Голос произнес:

– Иуан, тебя нам не достать – в тебе сила крокодила, нашего повелителя, чье земное воплощение ты погубил сегодня, но на детях твоих мы отыграемся.

От страха и потрясения я упал на колени и повалился на землю – и в ту же минуту проснулся на своей кровати, лежа на боку, с неловко подвернутой онемевшей рукой. Онемели и мои близкие, когда я вышел к ним: мои волосы приобрели тот самый оттенок, который ты видишь сейчас, Мойсе. Они стали белыми, как стены Дома Пта в твоём Миннофаре.

Иуан замолчал и устремил взгляд куда-то поверх головы Мойсе.

– А ты видел духов, дядюшка Иуан? Не во сне, а наяву? – спросил Мойсе.

– Я и сейчас их вижу, – ответил старик.

Мойсе вскочил как ужаленный, оглядываясь по сторонам.

Старик усмехнулся и сказал:

– Я пошутил. Не бойся. Нет никаких духов, – добавил он и махнул рукой, словно давая знак кому-то за спиной Мойсе.

Моисе немного успокоился и сел.

– Что же было дальше, дядюшка Иуан?

Иуан повел головой в сторону, сжал губы, отчего две глубокие складки пролегли вдоль его носа, похожего на птичий клюв, и продолжил свой рассказ:

– Мой старший сын был примерно твоего возраста, когда задумал жениться. Я отговаривал его, мол, не время тебе еще хомут на шею надевать. Но он и слушать не хотел. Женюсь, говорит, и все тут. Надо отдать должное: девушка была хороша собой, и приданого за ней давали порядком. Сыграли свадьбу, повеселились вдоволь. Начали жить. Однако не прошло и года, как невестка принялась капризничать. Хочет, видишь ли, она серьги, да не какие-нибудь, а как у ее сестры. Оказалось, что ее сестра вышла замуж за торговца, который по всей реке торговал тончайшими тканями и нажил немалое состояние. Надо ли говорить, что жена того торговца была одета по последней моде, в лучшие ткани, что были тогда известны в Эн и за его пределами? Так она еще и блистала украшениями самой изящной работы. Сын мой из сил выбивался, пропадал на реке днями и ночами, чтобы наловить как можно больше рыбы. Удача сопутствовала ему. И одевал он жену, и украшения дарил, да все ей было мало. Пойдет к сестре в гости – возвращается чернее тучи. Молчит поначалу, как воды в рот набрала. Потом разразится плачем, а то и упреками горькими сыну: мол, не любит он ее, мол, у сестры заколка в волосах чистого золота, а у нее такой нет...

Тьфу ты!

Однажды сказал я сыну, что, если не проучит он жену прутом как следует, так и будет маяться до конца дней и все имущество свое издержит зазря. Тот поначалу отпирался, но когда женушка опять вернулась от сестры с кислой миной, взял да и выхвостал ее прутом по спине. Да так, что она сознание потеряла. Он перепугался, водой давай ее поливать, потом, когда очнулась, прощения просил, на коленях стоял. Она простила. Месяц жили душа в душу. Потом все по новой началось. Сын мой впал в отчаяние. Пить начал. В кабаке его лихие люди и приметили. Втянули в свои темные дела. Стал он ночами пропадать. Зато нарядов у жены его прибавилось и золото в волосах заблестело. Но долго длиться это не могло: однажды пришли за моим сыном стражи начальника города. Перевернули в доме все вверх дном. Сына, по счастью, дома не случилось. Брат его, младший мой, побежал предупредить его об опасности, да так и не вернулся. Видать, забрал его старший себе в помощники – и где они оба сейчас, никто не знает. Может, давно уже в каменоломнях царских сгинули.

Иуан тяжело вздохнул.

– Остались мы с дочерью и женой горевать. Жена моя болеть стала. Без всяких на то причин. Иной раз встать с постели не может. Говорит: «Иуан, мне так плохо!» Нестерпимо мне все это стало. Решил я, что из-за меня пришли беды, что это духи речные мстят за своего господина. Взял да и ушел

из дому. Поставил хижину у реки, и вот, живу отшельником, почитай, уже лет двенадцать. Жена моя, говорят, теперь жива-здоровая, дочка замуж вышла удачно, растят внуков. А я здесь вот живу в одиночестве.

– И что же, дядюшка Иуан, не скучаете по семье, не хотели бы взглянуть на них? – спросил Мойсе.

– Бывает и такое. Да я уже привык быть один. Семья – это обуза. От слова «узы» – веревки такие, которыми пленным воинам локти за спиной связывают...

Он замолчал, глубоко о чем-то задумавшись. Потом вдруг повеселел, взглянул на Мойсе пронзительным взглядом и сказал:

– У тебя все еще впереди, вся жизнь – долгая жизнь, а слава твоя проживет много дольше тебя!

Голова

– Ну что ж, и поели мы, и поговорили, – сказал Иуан в заключение их общей трапезы. – Если ты не против прогуляться, я могу показать тебе одно интересное место.

– Конечно не против, – ответил Мойсе.

И хотя его порядком клонило в сон, он все же не мог отказать своему новому знакомому. Они тронулись в направлении ближайшей пальмовой рощи. Поначалу едва различимая тропка вела чуть вверх, потом выровнялась. Шли они около получаса. Неожиданно тропинка резко свернула – прямо был крутой склон, почти обрыв. Внизу под ним виднелся огромный камень, утонувший в земле. Обходя обрыв, Мойсе спустился вслед за Иуаном – и оказался около гранитной головы, которую он сверху принял за валун. Рядом с головой пробивался родник. Иуан набрал в ладонь воды и отпил из источника. Мойсе последовал его примеру.

Иуан заговорил:

– Ты, наверное, слышал, Мойсе, о великом разливе, затопившем многие земли. Хапи разлился, как великое море, и вышел из своих берегов. Его волны сносили все на своем пути: не уцелело ни одной постройки первых царей, их статуи были повержены. Лишь пять Больших Меру на Западе Солнца устояли. Лицо одного из Великих ты видишь сейчас перед собой.

– А как его звали? – спросил Мойсе.

– Мы не знаем его имени – оно скрыто в земле, – отозвался Иуан.

– Так давай откопаем его! – с наивной юношеской горячностью сказал Мойсе.

В ответ Иуан усмехнулся:

– Посмотри, какая у него голова! Представляешь, какого размера тело? К тому же не стоит тревожить дух древнего владыки. Довольно того, что он дает нам эту воду. Кстати, она обладает силой, и ты скоро это почувствуешь.

Мойсе и правда ощутил необычную бодрость в теле. Усталость от пешего перехода полностью исчезла, а вместо нее появилась приятная дрожь, подмывающая бежать, как носятся маленькие сорванцы.

– С некоторых пор, – продолжал Иуан, – ко мне стали приходить люди за советом. Они жалуются на болезни и немощи, на бедность и напасти... Здесь я нахожу ответы на многие вопросы. Одна голова хорошо, а две – лучше.

Мойсе улыбнулся, но тут же сделался серьезным и предложил:

– Может быть, спросим у него, что мне теперь делать, куда идти?

– Спрашивай!

Мойсе посмотрел в каменные глаза головы и мысленно задал свой вопрос. Прошло какое-то время. Иуан обратился к Мойсе:

– Молчит?

– Молчит...

– А куда смотрят его глаза?

– В небо.

– В какую сторону?

– На восток.

– Ну вот, а ты говоришь – молчит. Иди на восток и обрати свои мысли к небу. Утром отправишься в путь.

Мойсе поднял голову. Солнце уже клонилось к закату, до темноты оставалось чуть больше часа. Нужно было спешить. Обратный путь показался ему много короче. Так всегда бывает.

Когда они вернулись в хижину, Мойсе без сил повалился на грубо сколоченную кровать, на которую указал ему Иуан, и мгновенно уснул. Старик же зажег масляную лампу и принялся собирать Мойсе в поход.

Для начала он принес из клетушки, служившей ему складом, корзину с лялками. В нее уложил бутыль с водой, искусно сделанную из плода вроде тыквы, положил хлеб, немного соли, несколько вяленых рыбин, какой-то пахучей травы, мешочек сушеных фиников, нож и пузатое стеклышко для разжигания костра. Удовлетворенно выдохнув: «Ну вот», – Иуан задул лампу, взял теплую накидку и вышел из хижины.

Спать он улегся в своей лодке, завернувшись в плотную накидку, когда-то давно сотканную его женой. Сияли звезды, Хапи катил свои волны к далекому морю, а Иуан думал,

что вот так однажды он ляжет в эту же лодку, и воды небесной реки вынесут ее в море вечности, где он обретет покой и забвение.

Пустыня

Утром Мойсе проделал вчерашний путь до Головы и, постояв около нее, двинулся дальше. По едва заметной тропе он выбрался к окраинам великого города Эн – обители священников и мудрецов, которым открыты все тайны неба и земли. Дорога в город была ему заказана: его могли схватить воины Патипара. Хотя времени прошло не так много, рисковать не имело смысла, тем более что все необходимое для дальней дороги у Мойсе уже было. Он пошел на восход Солнца, оставив великий город по левую руку.

Проходя небольшую рощицу пальм, Мойсе обнаружил маленький храм – священное место памяти некоего знатного человека. А вот и сам хозяин. Гранитное изваяние, которое даже на корточках возвышалось на два человеческих роста, выглядело почти живым, словно бы плоть только что окаменела, встретив лучи восходящего солнца. На правой ноге его был вырезан нож и змея в короне, а на плечах – овалы с именем «Великий Смотрящий города Эн». Мойсе засомневался, правильно ли прочел иероглифы старого написания: «Смотрящий» или «Видящий»? «Интересно, что видит каменный смотрящий?» – подумалось ему.

До самого горизонта перед Мойсе расстилалась пустыня. Песок и мелкие камушки шуршали и скрипели на разные лады под ногами. Небо было чистым, ни облачка. Мойсе шел,

установившись в линию горизонта, как это делают мореходы, чтобы бороться с морской болезнью. Вскоре он почувствовал болезнь пустынную: жажду. Воды у Мойсе было не много, и он решил ее экономить. Постепенно все мысли оставили его ум, который наполнился созерцанием бесконечного синего неба и серовато-желтой равнины и хрустом камушков о песок.

Когда жажда стала донимать, Мойсе достал флягу Иуана и сделал небольшой глоток. Еще Иуан сказал, что, если взять в рот гладкий камушек и гонять его туда-сюда, будет меньше хотеться пить. Так он и сделал.

Солнце пришло к полудню. Становилось жарко. Следовало передохнуть. Осмотревшись, Мойсе выбрал крупный камень неподалеку и принялся устраивать возле него укрытие. Откопал, насколько это было возможно, яму в песке – песок в глубине был не таким горячим, как на поверхности, а камень давал тень. Прислонившись к камню, Мойсе достал из корзины флягу и сделал небольшой глоток.

«В первый день ничего не ешь, – говорил ему Иуан, – воду пей маленькими глотками, береги ее. Без воды – смерть». Мойсе запомнил эти его слова.

На жаре его разморило, и, привалившись спиной к камню, Мойсе задремал.

Проснулся он, когда Солнце уже клонилось к западу. Руки и ноги налились тяжестью, во рту все пересохло. В эту минуту, словно камень с неба, поразила Мойсе тяжелая удуш-

ливая мысль, которая заставила кровь прилить к голове.

«А вдруг я его убил?» – подумал он. Осознание того, что он стал подлым убийцей, – опозорил своего отца, поразил сердце матери, погубил возлюбленную, – достигло такого накала, что Мойсе застонал. Он подумал было вернуться, чтобы сдаться и погибнуть вместе с Меританейт.

Мойсе лежал долго, потом все же приподнялся, отхлебнул из фляги и с трудом встал на ноги. Нужно было идти. Он поднял с земли корзину, влез в лямки и поудобней устроил ее на спине. Снова захрустели камушки под ногами.

Чтобы не сбиться с маршрута, Мойсе решил останавливаться через определенные промежутки времени и, втыкая нож в песок, смотреть, куда указывает тень. Солнце на юго-западе, тень ложится на северо-восток, значит, ему брать правее.

Где-то рядом петляла дорога, едва заметная среди камней, но ему нельзя было приближаться к ней. Именно по этой дороге помчатся гонцы Патипара – известить дальние гарнизоны о розыске опасного преступника, врага Великой Пчелы и кеметского народа.

Мойсе шагал и шагал. Через какое-то время он с досадой обнаружил, что в кровь сбил ноги. Кожа на ступнях от жары сделалась влажной и рыхлой, и кожаные ремешки его обуви стерли ее до мяса. Тогда Мойсе с благодарностью вспомнил Иуана, который дал ему какую-то траву и сказал, что она заживляет раны, если ее хорошенько разжевать и приложить к

больному месту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.